

Раннее утро 5 ноября 1914 года

Вот, моё солнышко, тебе случай дать мне совет и денег взаймы. Я очень прошу тебя, повидай А. В. Денисова и дай ему 25 руб., как он пишет, на текущие расходы. А совет твой — это сказать мне: ладно ли вообще я делаю, помогая по мелочам? Ведь я же не знаю людей, не живу той же жизнью как они, как ты... Мои личные впечатления и инстинкты совсем не таковы, как у тебя, ибо ты в некотором роде — женщина и притом же очень молодая, неожиавшаяся, а потому и строгая, непрощающая. Хотя твои письма и ласки и стали для меня уже воздухом и лучом радостным, я очень люблю тебя и верно скажу, что ты даёшь мне слишком много, но вместе с тем так горько и тяжело мне, что никак не могу согласиться, особенно с твоим последним письмом. Ты пишешь о камине, мягком диване и проч.

Милая моя! Всё это для меня уже ушло, всё потонуло в море тревог, обилия забот и лет прожитой жизни. Нет у меня камина, а мягкую мебель вообще я никогда не любил. Дома, в Перми, есть у меня дом, там есть и камин в маленькой, единственной столовой, но она без дивана, а прелест её заключается в том, что кроме одного окна, столовая имеет ещё дверь прямо в садик, на террасу, на воздух и к цветам. Но я не имею возможности бывать в Перми, бывать дома... Родная моя, мой радостный луч, ты поймёшь, какой радостный! И не осудишь за то, что я люблю всё живое, хорошее, красивое, правдивое как природа и что я поддаюсь твоему обаянию. Что я радуюсь и волнуюсь ожиданием письма твоего. Ну, что толковать, слава Богу, что ты существуешь и пишешь то, что даёт мне пробуждение и радость...

Милая ты, милая я шлю тебе всё лучшее!

Твой Н. М.

Петербург. 25 февраля 1915 года

В честь и память моего лучшего друга и защитника, человека необычайной доброты, всепрощения, терпения и великих страданий, в память и признательность моей матери, в честь её

светлого имени придумал я построить дом приюта, питания и предупреждения заболеваний для неимущих, со всеми приспособлениями, долго и строго обдуманными, с детскими садами, для уличных детей зимним и летним, с бесплатной библиотекой, школой, с пекарней и квасоварней для половины населения города, с разными мастерскими для заработка и т. д.

О САМОЙ ВОЙНЕ
ПИСАТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ.
УЖАСНО ПОКАЗНАЯ
ВЕЩЬ. НЕ ДЛЯ
ВОЮЮЩИХ —
ПРИВЫКНЕШЬ,
СОВСЕМ НЕ СТРАШНО,
А ДЛЯ ВСЕЙ СУММЫ
ЖИЗНИ...

Сестра Таисия также очень любила мать, вот почему она и благодарит меня за памятник и вот только теперь, в этот ужасный год, когда судьба оправдала сразу мою большую постройку, выручившую из беды весь город и обеспечившую солдатиков, как ни что другое не могло бы так быть нужно, и вот только теперь, после двухлетней размолвки, попавши домой, сестра Таинька только теперь поняла меня и отдыхает душой. Что делать, если я не могу сам быть на месте, сам поработать и отдохнуть душою, но сознание, что я же делаю, хотя издали, давая мысль и средства, что люди пользуются и отдыхают у меня же, даёт уже мне некоторое успокоение и оправдание существования, даёт частичку радости жизни. Ты, жена моя, может быть будущая мать от меня, ты много даёшь мне отрады, потому вполне естественно, что тебе я говорю, с тобою делаюсь моей слабостью, одним из моих начинаний, которые трудно вести без нравственного сочувствия и поддержки близких людей. Вот почему я посылаю тебе письма сестры Таисии. В самом деле: «Ну, уже охота! Да и глупо думать кому-то, пьяницам да нищим, ворам давать облегчение! Лучше бы о себе подумал, как отдохнуть поехать да

одеться поприличнее и взять от жизни все удобства и удовольствия. А ты как живёшь?!.. и т. д. и т. д.» Разве можно так? Разве это друзья? Родной мой, милый друг! Ты как смотришь? Я так много, так любовно думаю о тебе, так хочу быть с тобою. Только быть с тобою, не говори мне ничего, но только будь тут и я знаю, что мы уже, как один человек, но неизмеримо раз сильнее. Великое дело — доверие и любовь!.. А как много нужно ещё тебе рассказать тёмных и дурных сторон. Ну ничего, ты всё поймёшь и поможешь мне всё оправдать...

Приеду вероятно в воскресение, понедельник или вторник. Очень нежно и ласково целую тебя, тоскую и забочусь о тебе. Береги себя, моя милая!

Твой Н. Мешков.

Петербург. 19 ноября 1915 года

Спать мне приходится с запертой дверью. Ложусь в час, в два: то брань и крики, то посетители, которых очень много именно потому, что знают, что я спешу скоропостижно уехать. А дел самых важных, неотложных уйма накопилось, как своих, так в особенности общественных: ожидания в приёмных и объяснения с министрами и департаментами по реквизициям, по нарушению прав наших, по перевозкам провинцита и топлива, по участию в тарифных и военно-промышленных комитетах, по учреждению Общества Оренбург-Уфимской железной дороги, по финансированию онаго (срок 18 декабря, если не успею — то могу всё потерять), по переводу Юрьевского Университета в Пермь. Из сюrtука не выхожу. Раннее утро, но его нет у меня, нет мысли и души, а есть только одна тревога, тоска и усталость, усталость.

Голова тупа и тяжела и нет ничего в ней другого, как только стремление поднять нервы, чтобы скорее всё кончить, уехать и спать, спать. Нет сна, нет и аппетита. Всё ничего! Не на дело я жалуюсь, а на то, что не умею устроить себе покой и возможность необходимого отдыха. Кроме дел, видишь ли, приходится держать себя же в струне, как с больными... А тут ещё сегодня сестра Надя приезжает, а завтра привезут с фронта тело убитого Кости, мо-